

РАЗНОЗИМЬЕ

Для надрывных и горестных спевок
В ледяной заколдованный круг
Зимний вечер собрал, будто девок,
Голосистых метелей и вьюг.

Я зажат, как в тиски в круге первом,
Злобно плачут метели навзрыд —
Лишь одна среди хора молчит
И не верит гуляющим стервам!

Вьюги воют морозно на ухо,
И вращаюсь я в круге втором.
Вечер темным предстал певуном —
И лишился я речи, и слуха.

Показалось мне: в горе столетий
Этот вечер виновен да я.
И в сугробах сомкнулся круг третий,
И небес разошлась полынья.

* * *

День сухо говорит со мной, покуда
Его не сменит дождевая тьма,
И вдаль его погонит листьев груда,
И свистнет хладнолицая зима.

И млечный свет мне ляжет на оплечье,
И мир накроет дымкой снеговой,
И тьма найдет обличье человечье
Безумной юной девушки с косой.

С ней наши встречи будут неслучайны,
И в жадном преткновении сердец
Две тени унесет, рассеяв тайны,
Предзимья ключник — молодой снежник.

ХРИСТОРАДНИК

«Какой доверчивый придурок!» —
Разнесся шепот по дворам,
Он подобрал в грязи окурок,
Поднес к обметанным губам.

Он был убог, улыбчив, жалок,
Он попрошайка, нищеврод,
Любимец стариков и галок,
Он христорадник, идиот.

Погонят все его в три шеи —
Он удаляется, боясь.
И в глубине пустой аллеи
Он ощущает с небом связь.

И, чтобы быть ко всем поближе,
Он молится один за нас
Под плач небес в застывшей жиже
В безлюдный час.

* * *

Я чувствую: полетья холод кроток,
Он ощутим тобой и мной едва.
Поманит мгла в подлунный околоток,
Рождая на пути земном слова.

Навстречу мне из дождевой утробы
Спускаются по тучам и воде
Мои мечты — блаженные зазнобы,
Их след зеркальный стелется везде.

Швырнут деревья красные обноски,
Склонится вниз соломенный лопух,
Застынет мир, и в багрянистом воске
Свеча вселенной согревает дух.

РОСТЕПЕЛЬ

Мне досталась ты задарма,
Без торговли, грызни, вопросов.
Ты теперь — лишь моя зима,
От снежинок и до торосов.

И хочу я сегодня, чтоб,
Уходя от весны соблазнов,
Под подошвой моей увязнув,
Мне служил каждый твой сугроб.

Чтоб метелей твоих и вьюг
Не слышны были злые вопли,
Чтоб февраль, как продажный друг,
Заревел, распуская сопли.

Я поверю тебе тогда,
Когда ты мне прошепчешь сухо,
Как больная в чепце старуха,
Что с рожденья была горда,

Что меня не любила ты,
Что ласкала из пошлой моды,
Что мои собирала годы,
Как флористка в букет — цветы.

ПЕРВОКРЕСТИТЕЛЬ

*Святому преподобному
Герману Аляскинскому,
всея Америки чудотворцу*

Он слышит ангелов подсказки,
Его словам, пришелец, верь.
Родным он стал хребтам Аляски,
И алеутки-черноглазки
Зовут его отцом теперь.

К нему креолы и тлинкиты
Бредут, уставшие от бед,
И ждут молитвенной защиты,
И каждый будет обогрет
Несуетно, без волокиты.

Едят из рук его медведи,
И ласки ждет суровый бык,
И горностаи, словно дети,
Не забывают об аскете,
Чья жизнь — страданий чистовик.

В мольбах на острове Еловом,
Где землю обнимает мох,
Где океана шумный вздох,
Пропитан озаренным словом,
Векам слышны монах и Бог.